

ОБЩЕСТВО ОБЩЕЙ ЛЖИ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Общество общей лжи

«Автор»

2026

Велирский В.

Общество общей лжи / В. Велирский — «Автор», 2026

Шестеро студентов закрытого Института сравнительной памяти произносят удобную ложь, чтобы спасти любимый семинар. Наутро их преподавателя Аркадия Вельца нет ни в расписании, ни в документах, ни в памяти окружающих. Только Лада Ремез помнит человека, чьё исчезновение помогла подготовить. В Институте согласованное свидетельство способно менять записи, маршруты и доступ к прошлому. Но за каждую защищаемую ложь механизм забирает у свидетеля правдивое воспоминание, ближайшее к ней по смыслу. Чтобы найти Вельца, Ладе придётся разрушить общую версию, на которой держатся дружба, стипендия и будущее всей группы. А главное — перестать редактировать чужую правду так, чтобы она подтверждала её собственную. «Общество общей лжи» — психологический мистический триллер о разделённой вине, цене удобного согласия и праве нескольких несовпадающих свидетельств существовать рядом.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Пустая кафедра	6
Глава 2. Шесть подписей	10
Глава 3. Правдивая часть	14
Глава 4. Комната без владельца	20
Глава 5. Цена Северина	25
Глава 6. Внешний свидетель	31
Глава 7. Общество общей лжи	35
Глава 8. Архив ближайшего смысла	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Влад Велирский

Общество общей лжи

От автора

Эта история устроена как исповедь, но исповедь не обещает безупречной памяти. Лада Ремез рассказывает о событиях зимнего триместра уже после того, как поняла цену своих решений. Поэтому она различает две вещи: что знала в тот момент и что сумела восстановить позднее. Иногда это различие важнее самого события.

В Институте сравнительной памяти свидетельство считается не пересказом прошлого, а поступком. Слова здесь меняют не случившееся, а доступ к нему: записи, маршруты, узнавание, право назвать человека по имени. Шестеро могут договориться о единой версии, но ни один из них не способен в одиночку владеть её последствиями.

Книгу лучше читать внимательно к несовпадениям. Повторённая фраза не обязательно становится правдой. Пропущенная деталь не обязательно исчезает. А человек, которого перестали узнавать, всё ещё может ждать за дверью, к которой никто не помнит дороги.

Глава 1. Пустая кафедра

Теперь я знаю, что первым исчез не Аркадий Вельц.

Первым исчезло ожидание его прихода.

В то утро я поднялась по восточной лестнице на четыре минуты раньше звонка и увидела у аудитории двести семь закрытую дверь. Это было нормально. Ненормальным было то, что никто не смотрел на часы.

Мара сидела на подоконнике, прижимая к коленям папку с протоколами. Кир грел ладони о жестяную кружку. Жаса стояла у доски объявлений и переписывала адрес вечерней лекции, хотя вечерняя лекция не имела отношения к нашему семинару. Северин Краст разговаривал с дежурной смотрительницей так спокойно, будто уже знал причину задержки и выбирал только форму, в которой нам её сообщат.

Я знала эту группу третий год. Перед семинаром Вельца мы могли спорить, молчать, ненавидеть друг друга, но каждые полминуты кто-нибудь обязательно проверял, не появился ли он в конце коридора. Вельц не опаздывал. Он заставлял опаздывать других, меняя аудиторию за десять минут до начала, и называл это проверкой способности удерживать намерение.

В то утро намерение удерживала только я.

— Ключ у кого? — спросила я.

Мара подняла голову.

— От чего?

— От двести седьмой.

Она посмотрела на табличку над дверью, потом на меня. В её лице не было притворства. Я слишком хорошо знала, как Мара лжёт: быстро моргает и выравнивает края бумаг. Сейчас папка лежала криво, угол верхнего листа загнулся под её большим пальцем.

— Нам сюда? — спросила она.

Кир усмехнулся.

— Если Ремез пришла сюда, значит, вероятно, сюда. Она бы и на пожар явилась по расписанию.

Я достала свою тетрадь. На обложке стояла дата — девятнадцатое января. Под датой моей рукой было написано: «Вельц. Закрытый семинар. Седьмое место не занимать».

Последнюю фразу я не помнила.

Не в том смысле, в каком люди не помнят, когда записали напоминание. Я помнила стол в читальном зале, серую лампу, песок на оконном стекле и собственную руку. Помнила, как вывела фамилию преподавателя. После неё на странице оставалось пустое место. Чернила в строке о седьмом месте были теми же, нажим — моим, а воспоминания о движении пера не существовало.

— Северин, — позвала я.

Он закончил разговор со смотрительницей, поблагодарил её и подошёл. На нём была форменная тёмная куртка Общества, без знаков должности. Значок председателя он носил с внутренней стороны лацкана: привилегия, превращённая в тайну, о которой знали все.

— Аудитория свободна, — сказал он. — Семинаров здесь сегодня нет.

— Семинар Вельца.

Я следила за его лицом. Северин не переспросил фамилию. Не нахмурился. Не попытался вспомнить. Его взгляд сразу опустился к моей тетради.

— Покажи.

— Сначала скажи, кто такой Вельц.

Коридор был узким, но в эту секунду стал ещё уже. Жаса перестала писать. Кир поставил кружку на батарею. Мара выпрямила загнутый угол протокола.

Вот тогда я должна была понять: они не забыли. Они проверяли, насколько забыла я.

Но тогда я решила иначе. Мне показалось, что Северин испугался моей уверенности, а остальные просто заразились его страхом.

— В штате нет преподавателя с такой фамилией, — произнёс он.

Фраза была точной и потому бесполезной. Я не спрашивала о штате.

— Он руководит нашей практикой свидетельских систем.

— Практикой руководит кафедра.

— Кафедра не задаёт вопросы голосом Аркадия Борисовича.

У Мары выскользнула папка. Листы рассыпались по полу. На каждом в верхнем правом углу стояли шесть одинаковых отметок допуска к Хранилищу. Я наклонилась помочь, но она собрала бумаги раньше, чем я успела прочитать заголовок.

— Ты назвала отчество, — тихо сказал Кир.

— Потому что знаю его.

— Или потому что оно написано в тетради.

Я перелистнула страницы. Конспекты за весь осенний триместр были на месте: различение факта и доступа к факту; контуры институциональной памяти; ошибка согласованного свидетеля. Поля пестрели вопросительными знаками и короткими замечаниями другим почерком.

«Не путайте отсутствие маршрута с отсутствием места».

«Большинство устраняет противоречие быстрее, чем замечает цену».

«Л. Р., вы опять улучшили чужой ответ до неузнаваемости».

Подписи не было. Но я помнила длинные пальцы Вельца, его привычку держать карандаш почти у самого грифеля и оставлять в бумаге глубокую борозду. Я провела ногтем по последней фразе. Борозда существовала.

— Это его почерк.

Северин взял тетрадь не сразу.

— Чей?

— Не делай этого.

— Чего?

— Не заставляй меня произносить всё за тебя.

Он наконец посмотрел мне в лицо. В его глазах было не отсутствие узнавания, а усилие не узнавать. Разница мала, пока не научишься на ней жить.

Прозвенел звонок. Дверь двести седьмой открылась сама: замок отпускали из диспетчерской. Мы вошли.

В аудитории стояли семь стульев вокруг длинного архивного стола. Шесть были отодвинуты, как после вчерашней работы. Седьмой находился у кафедры, точно напротив моего места. На его спинке лежал мелкий серый песок, хотя окна были закрыты, а уборщицы проходили этаж до рассвета.

— Здесь всегда семь? — спросила Жаса.

Никто ей не ответил.

Я села на своё место. Остальные медлили, выбирая стулья, словно расположение могло сделать их непричастными. Северин занял торец стола. Мара оказалась справа от него, Кир — слева. Жаса села ближе к двери. Ещё двое студентов, молчавшие в коридоре, устроились напротив меня. Шесть человек, не считая пустого места у кафедры.

В моей тетради было написано: «Седьмое место не занимать».

— У нас есть сорок минут до следующей пары, — сказал Северин. — Нужно установить, откуда у Лады эти записи.

— У Лады? — переспросила я. — Не откуда делся человек, а откуда у меня записи?

— Человека пока подтверждает один свидетель.

- Его подтверждает семестр конспектов.
- Конспект подтверждает текст.
- Его пометки подтверждают руку.
- Руку без владельца.

Северин говорил языком комиссии. Подмена была почти красивой: человек превращался в утверждение, утверждение — в носитель, носитель — в ошибку учёта. Я сама пользовалась этим приёмом, когда помогала студентам готовить спорные свидетельства. Сначала убирала глаголы действия. Потом имена. Потом причинность. В конце оставался аккуратный предмет, который никого нельзя было обвинить в создании.

- Хорошо, — сказала я. — Проверим расписание.

На стене висел терминал. Я приложила пропуск и открыла историю изменений. В строке на девятнадцатое января аудитория двести семь значилась свободной. За предыдущую неделю — тоже. Я отступила на месяц. Каждый вторник и четверг с девяти до десяти тридцати помещение было зарезервировано «для самостоятельной работы группы СС-4».

- Кто оформлял резерв?

Терминал показал служебную карточку: «Кафедра свидетельских систем». Поле ответственного сотрудника было пустым.

- Видишь? — сказал Северин. — Кафедра.
- Пустое поле.
- Пустое не означает стёртое.
- А что оно означает?
- Что сотрудник не назначался.

Я открыла журнал доступа. В аудиторию регулярно входили шестеро студентов. Наши имена. Седьмая строка появлялась внизу каждого списка, но терминал не мог её развернуть. Вместо имени отображался короткий белый прямоугольник.

Мара резко встала.

- Хватит.
- Ты это видишь?
- Вижу ошибку.
- Какую?

Она прижала папку к груди.

- Ту, которую не стоит кормить вопросами.

Северин произнёс её имя с предупреждением. Мара отвернулась к окну. За стеклом падал сухой ледяной снег, и корпуса Института казались вырезанными из одного серого камня. Между ними тянулись крытые переходы. Изнутри можно было прожить всю зиму, ни разу не выйдя за ворота. Вельц называл это архитектурой уверенности: если маршрут защищает от холода, человек перестаёт спрашивать, кто решил, куда ему можно идти.

Я помнила эту фразу. Я помнила, где он стоял. Помнила трещину на стекле за его плечом.

Но лица его представить не смогла.

Вместо лица возник светлый овал, как на пересвеченной фотографии.

Я закрыла глаза и попробовала снова: высокий лоб, седина у висков, складка возле рта. Каждая черта появлялась отдельно и тут же принадлежала кому-то другому. Голосу я ещё могла приписать тембр, рукам — движение, походке — лёгкую хромоту после лестниц. Лицо не собиралось.

- У вас тоже, — сказала я.

Кир побледнел.

- Что?

— Вы не можете вспомнить его лицо. Поэтому не спорите о том, как он выглядел. Вы спорите о том, существовал ли он.

Никто не возразил.

За дверью прошла группа первокурсников. Их голоса на секунду заполнили коридор, потом стихли. Я услышала, как в стене щёлкнуло отопление. Под этим обычным звуком был другой — слабое шуршание бумаги.

Оно исходило из моей тетради.

Страница с пометками Вельца медленно выгибалась, словно под ней сохло пятно. Карандашные буквы бледнели от краёв к середине. Я накрыла запись ладонью.

— Не трогай, — сказал Северин.

Слишком быстро.

— Ты знаешь, что происходит.

— Я знаю правила обращения с нестабильным свидетельством.

— Откуда?

— Нас всех допустили к Хранилищу.

— Вельц допустил.

Северин сжал губы. За секунду до ответа он взглянул на остальных. Не чтобы спросить разрешения — чтобы напомнить им о договорённости.

— Допуск подписала кафедра, — сказал он.

Снова правда, поставленная на место ответа.

Я вырвала страницу.

Бумага сопротивлялась у корешка, и звук разрыва оказался оглушительным. Мара вскрикнула. Жаса шагнула ко мне, но остановилась. Я сложила лист вчетверо и спрятала под подкладку рукава.

— Ты не имеешь права выносить нестабильную запись, — сказал Северин.

— Из аудитории, которой нет в расписании? Запись преподавателя, которого нет в штате?

Объясни комиссии, что именно я вынесла.

В его лице впервые появилось настоящее чувство. Не гнев. Расчёт утраты.

Я взяла сумку и пошла к двери.

Коридор за порогом выглядел прежним, но табличка на стене изменилась. Стрелка «Кафедра свидетельских систем» указывала налево. Я точно помнила, что утром она указывала направо, к кабинету Вельца.

Я пошла направо.

Через двадцать шагов коридор закончился глухой стеной. На ней висел портрет основателя Института, умершего сорок три года назад. Под портретом была дверь с табличкой: «Заведующий кафедрой».

Я постучала.

Ответа не последовало. Ручка повернулась.

Внутри пахло пылью, остывшим чаем и тем горьким карандашным деревом, которое Вельц точил ножом прямо над корзиной. На столе стояла чашка с тёмным ободком. В шкафу висело мужское пальто. На спинке кресла лежал шарф.

Комната существовала.

Только владельца ей назначили другого.

На латунной пластине возле стола было выгравировано имя основателя.

Я подошла к корзине и увидела свежую карандашную стружку.

Тогда я ещё думала, что нашла доказательство.

Позднее я поняла: я нашла просьбу не соглашаться.

Глава 2. Шесть подписей

Карандашная стружка была тёплой.

Я коснулась её тыльной стороной пальца и тут же пожалела: тепло могло прийти от батареи под столом, от солнечной полосы на паркете, от моей ладони. Доказательство, которому находишь три объяснения за одну секунду, годится только для того, чтобы обмануть самого себя.

На столе лежал журнал кафедры. На обложке значилось имя основателя, внутри — ежедневные записи секретаря. Я перелистнула к предыдущему дню. Между четырьмя и шестью часами страницу пересекала аккуратная красная черта: «Закрытые работы отменены распоряжением ответственного лица».

Поле подписи было пустым.

На следующей строке стояли шесть наших фамилий.

Я не услышала, как вошёл Северин. Только увидела его отражение в тёмном стекле шкафа.

— Ты выбрала самый плохой способ сохранить запись, — сказал он.

— Поэтому пришёл помочь?

— Поэтому пришёл забрать страницу до того, как она свяжет тебя с нестабильным контуром.

Я прижала локоть к боку. Сложенный лист шуршал под подкладкой.

— Назови Вельца.

— Лада.

— Имя и фамилию.

Он прикрыл дверь.

— Здесь стены удерживают обращения. Не заставляй меня проверять, что именно они удержат сейчас.

Это было признанием, хотя он подал его как предостережение. Я показала журнал.

— Что мы подписали?

— Запись о завершении работы.

— Какой работы?

— Идём к остальным.

Я вырвала страницу из журнала не стала. Один украденный лист превращал меня в свидетеля. Два превратили бы в человека, который заранее собирал удобную версию. Я переписала строку в тетрадь, оставив пустым поле ответственного лица.

Северин дождался, пока я поставлю точку.

— Ты всегда оставляешь пробелы там, где они выгоднее слов.

— А ты всегда называешь выгодой место, в котором тебе страшно.

Он не ответил. Тогда я ещё считала, что попала в цель. Позднее выяснилось: Северин боялся другого пробела.

Мы вернулись в двести седьмую. Остальные не разошлись. На столе лежали шесть листов допуска, каждый отдельно, каждый с синей печатью Хранилища. Мара раскладывала их по времени выдачи. Кир ходил от окна к двери. Жаса держала пустую карточку каталога двумя пальцами, словно та могла оставить ожог.

— Рассказываем заново, — сказал Северин. — Без обсуждения между ответами.

— Поздно, — сказала я. — Вы уже обсуждали.

— Тогда без нового обсуждения.

Я села напротив пустого кресла и открыла чистую страницу.

— По одному. Что произошло вчера после четырёх?

Мара заговорила первой:

— Закрытый опыт отменили, потому что контрольные шкалы показали расхождение.

— Кто отменил?

— Руководитель.

— Имя.

Она посмотрела на Северина.

— Не помню.

Это была её доля. Я слышала конструкцию сразу: опыт отменили не по решению кафедры и не сам собой, а руководителем. Если руководителя удавалось убрать, действие оставалось без человека, но с законной причиной.

Кир сказал:

— После отмены ответственный сотрудник забрал личные материалы и ушёл через северный выход.

— Ты видел?

— Видел закрытый футляр и человека в сером пальто.

— Лицо?

— Нет.

Вторая доля превращала отсутствие в отъезд.

Жаса долго молчала. Потом положила пустую карточку перед собой.

— В городском реестре появился запрос на временное выбытие. Я проверяла канал связи.

— Чей запрос?

— Ответственного сотрудника.

— Ты видела имя?

— Видела подтверждение отправки.

Третья доля выводила человека за границу Института, не доказывая, что он пересёк ворота.

Четвёртый студент подтвердил, что лабораторное оборудование было опечатано после добровольного прекращения опыта. Пятая студентка сказала, что слышала просьбу не искать руководителя до конца триместра. Ни один не произнёс фамилию Вельца. Каждый окружал свой ложный тезис правдивыми деталями: цветом пломбы, временем сигнала, номером выхода, температурой контрольной среды.

Я записывала коротко, убирая украшения. Именно так меня учил Вельц. Именно так я работала вчера.

Когда очередь дошла до меня, на странице оставалось шестое пустое место.

— Я не помню, — сказала я.

— Помнишь, — ответил Северин.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Чтобы услышала собственными словами.

В этом и состояла ловушка Хранилища. Чужая формулировка могла убедить, заставить, испугать. Но сводная версия принимала только то, что свидетель защищал как своё. Нельзя было раздать шестерым одну фразу. Требовалось, чтобы каждый нашёл в ней личную выгоду, а затем назвал выгодную часть правдой.

Я посмотрела на свои записи. Пять тезисов не складывались в рассказ. Между ними были разрывы, несовпадения времени, разные обозначения одного человека. Я машинально переставила строки: сначала контрольные шкалы, потом отмена, затем упаковка материалов, северный выход, городской запрос и просьба не искать.

Получилась последовательность.

Остальные увидели это одновременно.

— Вот что я сделала, — сказала я.

Мара закрыла глаза.

— Ты помогла.

— Я собрала ложь.

— Ты не придумывала наши ответы.

— Я сделала так, чтобы они подтверждали друг друга.

Северин положил передо мной шестой лист. Вчерашняя дата, мой допуск, моя подпись. Под подписью одна строка: «Представленные свидетельства достаточно согласованы, чтобы считать отъезд добровольным».

Слова были мои. Я узнала осторожность «достаточно согласованы», узнала привычку прятать решение в безличном обороте. Не было только воспоминания о том, как я подписывала.

— Почему я согласилась?

На этот раз ответил не Северин.

— Потому что иначе нас закрыли бы, — сказал Кир. — Всю программу. Стипендии, места в общежитии, допуски. Комиссия уже была в городе.

— Из-за опыта?

— Из-за того, что он собирался показать.

— Что?

Кир опустил взгляд на кружку.

— Я не помню.

Я спросила каждого, что он защищал.

Мара защищала младшую сестру, которую устроили в подготовительную школу при Институте. Кир — место в общежитии: возвращаться ему было некуда. Жаса — лабораторию и трёх сотрудников, чьи фамилии фигурировали в отчёте комиссии. Четвёртый студент боялся лишиться допуска перед выпуском. Пятая — суда над матерью, подписавшей старые протоколы исследований.

Северин защищал сам Институт.

— А я? — спросила я.

Он подвинул шестой лист ближе.

На обороте моей рукой было написано: «Если версия распадётся, свидетель Ремез признаётся инициатором и редактором. Стипендия аннулируется».

— Ты защищала право остаться, — сказал Северин.

Самое унижительное заключалось не в том, что он был прав. А в том, как быстро я поверила.

Институт принял меня после двух отказов и одного года, проведённого в городском архиве без допуска к закрытым фондам. Здесь мои заметки впервые называли не навязчивостью, а методом. Вельц дал мне место за столом, потому что я умела слышать, где человек меняет причинность, не меняя фактов. Потерять стипендию означало потерять комнату, питание, доступ и единственную профессию, в которой мой худший недостаток считался талантом.

Я могла солгать ради этого.

Хуже: я могла убедить себя, что лишь привожу чужие слова в порядок.

— Шесть подписей, — сказала я. — Пять тезисов и моя редатура.

— Шесть тезисов, — поправил Северин. — Ты утверждала, что согласованность достаточна.

— И Хранилище приняло это как отдельную долю.

Мара прошептала:

— Оно не должно было.

— Почему?

— Потому что это оценка, не свидетельство.

Северин собрал листы.

— Для Хранилища оценка редактора стала свидетельством о качестве остальных свидетельств.

Я посмотрела на пустое кресло. Мы не просто сказали, что Вельц уехал. Мы создали внутри Института мир, в котором всё доступное подтверждало добровольный отъезд, а противоречия перестали иметь владельца.

— Какая цена? — спросила я.

— Пока неизвестно.

— Неправда.

Северин промолчал.

Я повернулась к Маре.

— Что ты забыла?

Она выровняла шесть листов и ответила слишком быстро:

— Ничего.

Кир не помнил, что собирался показать Вельц. Жаса не помнила имени в городском запросе. Я не помнила собственной подписи. Но это были пробелы вокруг вчерашней лжи, а не цена. Цена должна была лежать рядом по смыслу: правдивое воспоминание, принесённое в жертву каждому ложному тезису.

Я подумала о лице Вельца, которое не могла собрать.

— Назовите человека, который первым поверил в вас, — сказала я.

Мара прижала пальцы ко рту. Кир обернулся к окну. Жаса уронила карточку.

Северин встал так резко, что кресло ударилось о стену.

— Не продолжай.

— Почему? Боишься узнать цену?

— Боюсь, что ты заставишь их заполнить пробел одинаковым ответом.

Он был прав и в этом. Я уже подбирала формулировку, которая соединила бы их утраты. Мой дар снова работал быстрее совести.

Я закрыла тетрадь.

— Тогда каждый запишет отдельно. Без имён. Что именно он потерял и почему считает это ценой. Листы запечатаем до завтра.

— И кто будет хранить?

— Не я.

Выбор дался труднее, чем признание. Я передала чистые листы Жасе, потому что она сидела дальше всех от Северина и ближе всех к двери.

Пока остальные писали, я достала из рукава страницу Вельца. Карандашные пометки почти исчезли. Сохранилась одна фраза, продавленная так сильно, что читалась по борозде без графита:

«Согласованность — свойство рассказа, а не доказательство истины».

Ниже проступал мой собственный вчерашний ответ:

«Но комиссиям достаточно рассказа».

Я не помнила этого спора.

Зато теперь знала, кто победил.

Глава 3. Правдивая часть

Утром шесть конвертов лежали на столе Жасы, и каждый был запечатан другим способом.

Мара провела по клапану красным воском. Кир заклеил свой бумажной лентой из пропускного бюро. На третьем стояла сургучная печать Хранилища, на четвёртом — две скобы, вбитые слишком близко к краю. Пятый конверт был прошит чёрной ниткой. Мой я вчера закрыла клеем и подписала поперёк сгиба, чтобы вскрытие нельзя было выдать за небрежность.

Жаса не позволила нам сесть.

— Сначала условие, — сказала она. — Никто не читает чужой лист. Я называю только признаки утраты.

— Тогда сравнения не получится, — возразил Северин.

— Получится сравнение, которому ты не сможешь заранее подобрать итог.

Он посмотрел на меня, будто ждал перевода с её языка на язык решений. Вчера я бы помогла. Сегодня я вынула из портфеля шесть копий наших показаний и разложила их отдельно, оставив между листами ладонь пустого места.

— Начнём не с утрат, — сказала я. — Сначала отделим то, что можно проверить, от того, во что мы просим поверить.

Северин усмехнулся:

— Комиссия уже проверила.

— Комиссия проверила рассказ.

Фраза Вельца прозвучала в моей голове раньше, чем я успела решить, имею ли право ею пользоваться. Я не записала её. Чужая мысль, сохранённая на вырванном листе, пока оставалась уликой, а не моей собственностью.

Мы начали с Мары.

В её показании было семь утверждений. Контрольная шкала действительно показывала расхождение: Жаса принесла ленту самописца, и на ней после шестнадцати часов разошлись две синие линии. Закрытый опыт шёл в седьмой лаборатории: номер совпадал в журнале допуска и на пломбе. Сигнал тревоги поступил в шестнадцать двенадцать: это подтверждали часы регистратора, которые нельзя было перевести из корпуса. После сигнала питание отключили. Дверь опечатали.

Ложным оставался один глагол.

— «Отменил», — сказала я.

Мара покачала головой.

— Опыт действительно отменили.

— Это результат. Ты утверждала, что его отменил руководитель. У тебя есть действие, но нет человека, который его совершил.

— Было распоряжение.

— Где оно?

Она указала на красную строку в кафедральном журнале.

— Поле подписи пустое, — напомнила я.

— Потому что имя исчезло.

— Тогда запись не доказывает, что распоряжение существовало вчера. Она доказывает только, что сегодня Институт объясняет отмену распоряжением.

Мара отступила от стола. Я увидела, как она складывает руки за спиной, чтобы никто не заметил дрожь.

— Ты хочешь сказать, что я всё придумала?

— Нет. Я хочу оставить тебе правдивую часть. Шкалы разошлись. Тревога была. Питание отключили. А кто принял решение и было ли оно добровольным — твоя доля лжи.

Она не поблагодарила. Правдивую часть показания человек защищает яростнее лжи: если отнять и её, ему останется только вина.

У Кира всё держалось на северном выходе. Камера в переходе записала серое пальто, закрытый футляр и время — шестнадцать двадцать восемь. Турникет открылся по служебному допуску. Датчик наружной двери сработал через сорок секунд.

— Значит, он вышел, — сказал Кир.

— Из перехода, — ответила я. — Не из Института.

— Там один маршрут.

— Сейчас один.

Он понял раньше остальных. План северного крыла менялся не на бумаге, а в нашем внимании. Дверь могла вести вниз, в хозяйственный коридор, к старой лестнице — и мы выбрали бы единственный видимый путь, потому что сводная версия уже называла его выходом.

— Ты видел лицо? — спросила я.

— Нет.

— Видел, как человек пересёк ворота?

— Нет.

— Видел пальто Вельца в его кабинете сегодня?

Кир взглянул на меня. Я не рассказывала группе, что была там.

— Серое? — спросил он.

— Серое.

Футляр и человек были правдой. «Ушёл» — ложью.

Жаса сама положила перед нами квитанцию городского канала. Бумага была настоящей: водяной знак, номер сеанса, время отправки, ответ городской станции. Запрос на временное выбытие действительно покинул Институт.

— Но имя было внутри зашифрованного блока, — сказала она. — Я видела подтверждение передачи, а не содержимое.

Вчера она говорила иначе. Не прямо — Жаса почти никогда не произносила того, чего не могла доказать. Она позволила нам считать, что проверила имя.

— Чей ключ использовали? — спросила я.

— Кафедральный.

— Им мог воспользоваться Северин.

— Или ты, — сказал Северин.

— Или я.

Я записала рядом с третьим показанием: «Запрос существовал. Адресат выбытия не установлен».

Четвёртая доля распалась быстрее. Оборудование опечатали, номера пломб совпадали, но слово «добровольного» появилось только в пояснении студента. Ни пломба, ни журнал охраны не различали добровольную остановку и аварийное отключение.

Пятая студентка слышала просьбу не искать руководителя до конца триместра. Мы заставили её трижды повторить точные слова. На третий раз обнаружилось, что просьба звучала так: «До конца триместра поиск не открывать».

— Кто сказал? — спросила Мара.

— Голос из переговорной линии.

— Мужской?

— Искажённый.

— Ты узнала Вельца?

— Я решила, что это он.

— В показании было «он попросил», — сказала я. — Решение превратилось в узнавание. Пятая студентка сорвала чёрную нитку с конверта, но Жаса накрыла его ладонью.

— Ещё нет.

— Я хочу переписать.

— Новая запись не вернёт старую.

— Зато исправит показание.

— Исправление, которое мы составим вместе, станет ещё одной сводной версией, — сказала Жаса. — Сначала закончим разбор.

Оставалась моя подпись.

Я поставила перед собой фразу: «Представленные свидетельства достаточно согласованы, чтобы считать отъезд добровольным».

В ней не было ни одного выдуманного факта. Поэтому она была опаснее остальных.

Я могла доказать, что свидетельства представлены. Могла показать повторяющиеся время, место, пломбу, футляр и запрос. Они действительно согласовывались, если расставить их в нужном порядке. Даже слово «достаточно» было не ложью, а мерой, которую я выбрала сама.

— Где твой единственный ложный тезис? — спросил Северин.

— В переходе от согласованности к событию.

— Это не тезис. Это вывод.

— Именно. Вы пятеро принесли по одному слабому месту. Я сделала так, чтобы слабые места поддерживали друг друга. Незнакомый руководитель отдал неподписанное распоряжение. Неопознанный человек направился к выходу. Незнакомое имя отправили в город. Анонимный голос попросил не искать. По отдельности этого недостаточно. Я назвала последовательность доказательством добровольного отъезда.

— Ты назвала её достаточной для комиссии, — сказал он. — И была права.

— Для комиссии.

— Другой истины у учреждения нет.

— Тогда почему исчез кабинет?

Он не ответил.

Я обвела своё слово «считать». Моя ложь пряталась не в описании прошлого, а в разрешении обращаться с предположением как с завершённым фактом. Остальные лгали о Вельце. Я солгала о качестве их лжи.

На полях получилось шесть коротких записей:

«Отменил — неизвестно».

«Ушёл — неизвестно».

«Его запрос — неизвестно».

«Добровольно — неизвестно».

«Он попросил — неизвестно».

«Достаточно — решение редактора».

— Теперь конверты, — сказала Жаса.

Северин шагнул к двери.

— Я в этом не участвую.

— Твой лежит здесь, — сказала она.

Седьмой конверт я заметила только теперь. Он был без печати и подписи, закрыт одной каплей канцелярского клея.

— Я не свидетель, — сказал Северин.

— Ты распределял доли. Значит, защищал тезис о том, что каждый из нас сможет заплатить и остаться собой.

В комнате стало слышно, как в батарее движется вода.

Жаса не вскрыла ни одного письма. Она достала весы для архивной бумаги и стала класть конверты на чашу по одному. Затем просветила каждый узким фонарём. Сквозь бумагу проступали строки, но прочесть слова было нельзя.

— На каждом листе есть имя или обозначение человека, — сказала она. — Кроме одного. На каждом описана утрата узнавания, доверия или права считать кого-то своим. Кроме одного. Пять записей относятся к тому, кто дал автору записи место, защиту или возможность остаться. Шестая — к тому, кого автор должен был отпустить добровольно.

— Ты прочла, — сказал Кир.

— Я сравнила форму. Не содержание.

— Это одно и то же, — сказала Мара.

— Нет, — вмешалась я слишком быстро.

Все повернулись ко мне.

Я уже видела общий рисунок. Мы солгали, что человек сам отказался от нас, и в уплату потеряли память о людях, которые когда-то выбрали нас добровольно. Учитель, отец, сестра, мать, хозяин комнаты, руководитель лаборатории — точных слов я не знала, но схема соблазняла закончить её за остальных.

— Не говори, — предупредила Жаса.

Я закрыла рот.

Сводная версия не требовала одинаковых предложений. Ей хватало одинакового направления. Если сейчас я назову близкий смысл, остальные начнут узнавать свои утраты в моей формулировке. Правда окажется устойчивой ровно так же, как ложь, — и мы снова не узнаем, что принадлежало каждому до разговора.

— Конверты остаются закрытыми, — сказала я. — Но одного разбора мало. Нужна проверка за границей нашего рассказа.

На первом этаже работало городское окно регистрации. Оно занимало узкую комнату между вестибюлем и воротами; служащая числилась в городской управе, хотя стол стоял внутри стены Института. Туда подавали сведения о временном выбытии, утратах пропусков и людях, не вернувшихся с ночного дежурства.

Мы выбрали факт, а не имя: серое пальто Вельца оставалось в кабинете. Если человек покинул город добровольно с личными вещами, пальто противоречило рассказу. Я решила предъявить вещь регистратору и попросить внести исправление в карточку выбытия.

— Пальто ты уже видела, — сказал Северин. — Значит, ты поведёшь нас к нему по маршруту, который механизм успел принять.

— Ты предлагаешь ничего не проверять?

— Предлагаю не выдавать очередное твоё решение за внешний факт.

Я ненавидела его за точность.

Поэтому в кабинет пошёл Кир. Я нарисовала ему путь без названий: лестница, окно с трещиной, поворот против стрелки, третья дверь после холодной батареи. Он вернулся через восемь минут с серым пальто на руке.

На воротнике сохранилась метка прачечной: «А. В.». В кармане лежал трамвайный билет месячной давности и две крошки карандашного грифеля. Мы ничего не добавляли и не обсуждали. Жаса запечатала карманы лентой. Мара записала время находки. Кир отдельно подписал, где взял вещь.

Городского регистратора звали Рената Сойма. Это имя стояло на табличке, и я заставила себя прочитать его один раз, не превращая человека в должность.

Она выслушала нас, проверила печать на пропуске Кира и приняла пальто через металлическое окно.

— К какому делу приложить? — спросила она.

— К запросу о временном выбытии ответственного сотрудника кафедры свидетельских систем, отправленному вчера в шестнадцать тридцать одну, — сказала Жаса.

Рената нашла номер канала. На её стороне лежал городской реестр — не институтская копия, а серая книга с прошнурованным корешком.

— Имя выбывшего?

Мы молчали.

Я первой нарушила молчание:

— Аркадий Вельц.

Рената записала имя на карточке. Чернила легли ровно. Ничего не исчезло.

Я позволила себе вдохнуть.

— Основание для исправления? — спросила она.

Кир указал на пальто.

— Личная вещь осталась в кабинете после предполагаемого отъезда.

— Пальто подтверждает, что вещь осталась. Не подтверждает, что владелец не уехал.

— В карманах его билет.

— Старый билет.

Жаса передала квитанцию канала.

— Запрос не содержит открытого имени. Мы не можем подтвердить, что выбытие относилось к Вельцу.

Рената сравнила документы и вернула квитанцию.

— Тогда у вас нет противоречия. Есть пальто неизвестного владельца и запрос неизвестного сотрудника.

— На воротнике инициалы, — сказала Мара.

— Инициалы не удостоверяют владельца.

Каждый её ответ был правдив. Я слышала, как правда обкладывает нашу попытку со всех сторон, оставляя внутри одно пустое место.

— Внесите хотя бы сообщение о пропаже человека, — попросила я.

— Кто сообщает?

— Шесть свидетелей.

— Вы вчера подтвердили его добровольное выбытие.

— Мы ошиблись.

Рената подняла глаза. За стеклом её лицо казалось разделённым тонкой царапиной.

— Все шестеро?

Я могла ответить «да». Одно короткое слово связало бы пальто, квитанцию, пустой кабинет и наше раскаяние в новую убедительную последовательность. Городской реестр принял бы исправление, а потом, возможно, Институт принял бы его обратно как внешний факт.

Жаса сжала мой конверт в кармане.

— Нет, — сказала я. — Мы ошиблись по-разному.

Рената закрыла серую книгу.

— Тогда подайте шесть отдельных заявлений. Не показывайте их друг другу. Я зарегистрирую каждое как неподтверждённое свидетельство.

Северин, стоявший у двери, тихо рассмеялся.

— И что получится?

— Шесть противоречий, — ответила Рената. — Пока этого недостаточно, чтобы изменить запись.

Она вернула пальто. Карточка с именем Аркадия Вельца осталась на столе, но не в книге.

Когда мы вышли в вестибюль, я поняла, почему наша лож оказалась прочнее первого факта. Мы строили её не из выдумок. Мы окружили каждое слабое место правдой, а потом

потребовали от учреждения лишь одного: выбрать самый удобный переход между доказанными вещами.

Теперь, чтобы разрушить этот переход, нам предстояло принести не более сильный рассказ.

Нам предстояло принести шесть рассказов, которые откажутся помогать друг другу.

Глава 4. Комната без владельца

Пальто пришлось вернуть туда, где его, по мнению Института, не существовало.

Рената Сойма не могла принять вещь без дела, а дело — без отдельного заявления. Кир нёс пальто до второго этажа, держа за плечики, и прохожие уступали ему дорогу так, словно рядом шёл невидимый человек. У лестницы дежурная спросила, зачем мы переносим имущество основателя.

— Какого основателя? — спросил Кир.

Она показала на метку прачечной.

— Аркадия Ведена. Его вещи хранят в мемориальном кабинете.

Инициалы совпадали. Институту этого оказалось достаточно.

Я достала тетрадь, но Жаса удержала мою руку.

— Отдельные записи, — напомнила она.

После городского окна мы договорились не обсуждать наблюдения до вечера. Каждый должен был войти в кабинет своим маршрутом, описать одну группу предметов и оставить лист у Ренаты. Городской регистратор согласилась ставить время на закрытых конвертах, но предупредила: шесть неподтверждённых свидетельств не станут одним подтверждённым только оттого, что лежат рядом.

Впервые это звучало как надежда.

Я выбрала последнюю очередь. До меня должны были пройти Кир и Жаса; Мара отказалась, сославшись на занятие, а двое остальных ещё решали, готовы ли писать заявления, которые комиссия сможет назвать самооговором. Северин в список не вошёл. Он сказал, что чужая комната не докажет живого владельца, и ушёл раньше, чем я успела согласиться.

В семнадцать десять я остановилась у окна с трещиной. Дальше по моей вчерашней памяти следовал поворот против стрелки и третья дверь после холодной батареи.

Стрелки не было.

На стене висел новый план эвакуации. Красная точка отмечала моё положение в конце прямого коридора. За стеной справа располагалось хранилище учебных таблиц, слева — лестница. Третьей двери не было ни на плане, ни в поле зрения.

Я закрыла глаза и вспомнила не маршрут, а сопротивление тела: вчера у окна хотелось повернуть налево, хотя кабинет был справа. Я шагнула туда, куда идти не хотелось.

Коридор не возник. Просто обнаружилось, что между шкафом с огнетушителем и стеной оставался проход шириной в плечо. Я видела его и секунду назад, но считала нишей. За проходом тянулась батарея. Первая секция была горячей, вторая тоже. Холод начинался после шестой.

Я не стала считать двери. Счёт уже принадлежал рассказу. Вместо этого провела ногтем по стене и шла, пока штукатурка не сменилась деревом.

Ручка оказалась под ладонью.

На табличке значилось:

«Мемориальный кабинет Аркадия Ведена, первого хранителя свидетельств. 1871–1934».

Вчера табличка была медной. Сегодня её напечатали на плотной бумаге и вставили под стекло. Клей по краям ещё не высох.

Я записала только это: время, материал, влажный клей. Затем сфотографировала табличку на институтскую камеру мгновенной печати. Цифровые устройства в закрытом крыле не разрешались; снимок выехал из корпуса белым прямоугольником и медленно проявил дверь, мою руку и имя умершего.

На обратной стороне я поставила время до того, как изображение стало чётким.

Дверь открылась не сразу. Замок принимал мой допуск, но рука всякий раз отпускала ручку после щелчка. Я трижды обнаруживала себя у батареи с уверенностью, что уже проверила кабинет и там ничего не было. На четвёртый раз просунула в замочную скважину карандаш. Щелчок сломал грифель, дверь осталась приоткрыта, а я не успела придумать причину уйти.

Внутри пахло мокрой шерстью.

Кир повесил пальто на прежнее место. Под ним на полу растаяли две капли снега, хотя с улицы мы вернулись больше часа назад. Возможно, снег забился в складку. Возможно, кто-то надевал пальто после Кира. Я не стала выбирать.

Моя группа предметов называлась «рабочий стол».

Я поставила рядом часы, не связанные с институтской сетью, и начала описать. Чашка с чайным ободком. Два карандаша: один заточен ножом, второй машинкой. Стружка в блюде. Пресс-папье с трещиной. Три карточки каталога. Лист промокательной бумаги. Пачка экзаменационных заметок, перевязанная бечёвкой. В левом ящике — перчатки без пальцев, запасные очки и медная пластина с семью отверстиями.

Ни один предмет не доказывал владельца.

Я перевернула экзаменационные заметки. На первой стояла дата прошлого триместра и моя фамилия.

«Ремез различает ложное утверждение, но доверяет правильной последовательности сильнее, чем человеку. До допуска к Хранилищу научить оставлять версии несведёнными».

Под строкой была подпись, похожая на разомкнутое кольцо.

Я знала её. Но знание не годилось для описи.

В папке кафедры хранились образцы подписей сотрудников. Я могла принести лист туда, сравнить нажим, наклон и разрыв кольца. Тогда доказательство снова оказалось бы внутри Института, рядом с системой, которая уже назначила комнате мёртвого владельца.

Я положила заметку обратно и описала её без имени автора.

В этот момент за дверью прошли двое архивистов.

— Экспозицию опять открыли? — спросил один.

— До описи наследства, — ответил другой.

— Какого наследства? Веден умер девяносто лет назад.

Шаги остановились.

Я замерла, прижав ладонь к столу.

— Тогда зачем я сюда шёл? — сказал первый.

Они постояли и ушли в разные стороны.

Комната защищалась не замком. Она снимала намерение в тот миг, когда человек мог связать предмет с живым владельцем.

Я продолжила опись, вслух называя не выводы, а движения.

— Открываю правый ящик. Достая верхний лист. Не знаю, кому он принадлежит.

Так было легче. Не «ищу записи Вельца», а «перемещаю бумагу». Не «сохраняю доказательство», а «кладу предмет в конверт». Глаголы без цели проходили там, где намерение исчезало.

В правом ящике лежал журнал с тиснёной цифрой семь. Первые страницы были вырезаны. На оставшихся — таблицы, где шесть вертикальных граф сходились в одну чёрную полосу. Внизу каждой таблицы шла седьмая графа без заголовка. Она не соединялась с остальными.

Я узнала почерк по способу писать букву «д» — Вельц оставлял верхнюю петлю открытой. Но вслух сказала:

— Вижу рукописные пометки неизвестного автора.

На последней заполненной странице сохранилось три строки:

«Сводная версия устраняет не противоречие, а доступ к его носителю».

«Объект остаётся на месте; свидетель теряет маршрут, обращение и непрерывность намерения».

«Не опровергать итог. Разомкнуть условия сведения».

Ниже кто-то начал четвёртую строку: «Независимыми считаются...» — и остановился после первого слова следующей строки. Бумага была продавлена, но графита не осталось.

Я достала мягкий карандаш и уже поднесла его боком к листу, чтобы проявить борозду. Потом вспомнила исчезающие пометки на вырванной странице. Любое проявление могло заменить оригинальную глубину моим нажимом. Я убрала карандаш.

Нужен был независимый способ чтения.

На подоконнике стоял старый прибор для косого освещения рукописей: лампа двигалась по дуге, выявляя рельеф бумаги длинными тенями. Шнур не доставал до розетки. Я перенесла прибор к столу, но по дороге дважды забыла, зачем держу его в руках. На третий раз привязала шнур к запястью.

Свет лёг почти параллельно листу. В борозде проступили слова:

«...если ни один участник не знает вопроса, заданного остальным».

Дальше:

«Внешнее хранение обязательно».

Я переписала строки в свою опись и тут же зачеркнула. Моя копия связывала их с комнатой, со столом, с Вельцем — со всем рассказом, который я уже выбрала. Для независимого свидетельства требовался сам лист или снимок, сделанный человеком, не знающим, что должен увидеть.

Камера лежала у двери. Я направила её на страницу, отвернувшись от видеоискателя, и нажала спуск. Вспышка осветила комнату.

На проявившемся снимке стол был пуст.

Журнал лежал у меня под ладонью, а фотография показывала древесный узор без единого предмета.

Я попробовала ещё раз. Теперь на снимке появился журнал, но страница была чистой. Третья фотография показала строки — и белое пятно вместо последнего абзаца.

Правда не исчезала. Исчезала связь между носителями: комнатой, журналом, изображением и моим намерением предъявить их вместе.

В коридоре повернулся ключ.

Я закрыла журнал и положила его в ящик. Это движение далось легко. Оставить всё на месте Институт позволял.

Вошёл смотритель мемориальных помещений — маленький мужчина в сером халате, с инвентарной книгой под мышкой. Он увидел меня, часы, фотографии и открытую опись.

— Посещение по записи, — сказал он.

— Я составляю перечень для городского регистратора.

— Город не распоряжается наследием Института.

— Чьим наследием?

— Основателя Ведена.

— Покажите акт передачи.

Он открыл инвентарную книгу. На странице стояли сегодняшний номер и вчерашняя дата. «В связи с обнаружением ранее неучтённого мемориального кабинета принять имущество Аркадия Ведена на временное хранение».

— Кто обнаружил кабинет? — спросила я.

Смотритель прочёл строку, нахмурился и провёл пальцем по пустому месту.

— Комиссия отдела наследия.

— Фамилии?

— Они будут в приложении.

Приложения не было.

— Кто подписал акт?

Внизу стояла моя подпись.

Не похожая. Моя.

Та же длинная первая черта, тот же разрыв между «м» и «е», та же точка, которую я ставила после подписи только в документах о закрытом доступе.

Я не помнила, как подписывала акт. Но не помнила и вчерашней редакторской оценки. Сводная версия не обязана была подделывать прошлое. Ей хватало моего утраченного воспоминания и сегодняшней готовности признать почерк.

— Дайте посмотреть оригинал, — сказала я.

Смотритель прижал книгу к груди.

— Вы уже удостоверили.

— Именно поэтому.

— Покиньте помещение.

Я могла позвать остальных. Шесть человек увидели бы подпись, комнату, вещи и журнал. Через час мы создали бы безупречный рассказ о подлоге. Институт научил нас этому слишком хорошо.

Вместо этого я спросила:

— Вы знали, что Веден умер в тысяча девятьсот тридцать четвёртом?

— Разумеется.

— А акт датирован вчера.

— Кабинет обнаружен вчера.

— В нём свежий чай.

Смотритель посмотрел на чашку. Чайный ободок ещё блестел.

— В мемориальных комнатах проводят занятия, — сказал он.

— Кем?

Он открыл рот и забыл вопрос.

Я увидела это не как замешательство, а как короткую остановку всего тела. Его пальцы разжались. Инвентарная книга накренилась. Потом он снова вспомнил моё присутствие, но уже не причину спора.

— Посещение окончено.

Я собрала фотографии. Он пересчитал их: дверь, табличка, пустой стол, чистая страница, неполный текст. Ни одна не доказывала того, что я видела целиком.

У выхода я коснулась кармана. Там лежала медная пластина с семью отверстиями.

Я не помнила, как взяла её из левого ящика.

Смотритель тоже заметил прямоугольный след в пыли среди перчаток и очков. Он посмотрел на мой карман, но не попросил вернуть предмет. Чтобы потребовать возврата, ему пришлось бы назвать владельца или хотя бы кабинет, а намерение не удерживалось.

— Вы что-то забыли, — сказал он.

— Возможно.

Это был мой самый честный ответ за два дня.

Я вышла, не считая дверей. Коридор закрылся за мной не стеной, а уверенностью, что никакого прохода возле огнетушителя нет. Только медная пластина ударяла о бедро при каждом шаге.

На первом этаже я не пошла к остальным. Не стала сверять опись Жасы, не спросила, видел ли Кир журнал. Если пластина была частью прибора Вельца, обсуждение сразу назначило бы ей функцию. Если обычной инвентарной биркой — мы придумали бы значение, достойное риска.

Я вышла за ворота и отнесла её Ренате Сойме в непрозрачном пакете.

— Что внутри? — спросила она.

— Предмет, который я вынесла из комнаты, назначенной человеку, умершему девяносто лет назад.

— Чей предмет?

— Не знаю.

— Зачем вынесли?

Я могла сказать: чтобы спасти доказательство Вельца. Чтобы проверить границу. Чтобы восстановить маршрут. Все ответы превращали металл в часть выбранной версии.

— Потому что внутри я забывала намерение вынести его, — сказала я. — А снаружи всё ещё помню.

Рената не улыбнулась. Она взвесила пакет, измерила его, не вскрывая, и внесла как «неустановленный предмет из спорного помещения». Затем дала мне номер городской ячейки.

Впервые за два дня у нас появилась запись, которая не называла владельца.

Именно поэтому Институт пока не мог присвоить её мертвецу.

Глава 5. Цена Северина

На следующее утро Северин пришёл на полчаса раньше и снял со стены портрет собственного отца.

Я увидела его в попечительской галерее, когда несла заявления Ренате Сойме. Он стоял на стремянке между двумя окнами и держал раму обеими руками. Снег за стеклом делал лица прежних попечителей плоскими, будто их печатали на той же бумаге, что вчерашний акт о кабинете Ведена.

— Держи снизу, — сказал Северин.

Я поставила папку на подоконник и подхватила раму. Она оказалась тяжелее, чем выглядела. Под стеклом мужчина лет сорока сидел боком к зрителю, положив ладонь на закрытую книгу. У него были светлые глаза Северина и складка между бровей, появлявшаяся у сына, когда тот удерживал раздражение.

— Зачем снимаешь?

— Крепление разболталось.

Крюк в стене сидел плотно. Северин провёл пальцем по проволоке на обороте, проверил узел и снова поставил ногу на ступеньку.

— Это он? — спросила я.

— Кто?

Я не ответила сразу. С утра мы договорились не подсказывать друг другу содержание утрат. Отдельные заявления лежали в моей папке запечатанными, каждое в своём конверте. Даже почерк снаружи заменили номером, который присвоила Жаса. Но портрет не был заявлением, а Северин не входил в наш порядок.

— Человек на картине.

— Бывший попечитель Краст.

Он произнёс это так, как называл номер аудитории.

Под портретом оставалась латунная табличка: «Матвей Северинович Краст. Представитель попечительского совета. 1998–2019».

— Как его зовут?

Северин посмотрел на табличку.

— Ты умеешь читать.

— Я спрашиваю, знаешь ли ты.

Он спустился, забрал у меня раму и прислонил её к стене. На обратной стороне стоял штамп институтской мастерской, год и фамилия заказчика: «С. М. Краст».

— Моего отца звали Матвей, — сказал Северин. — Он занимал место семьи в совете двадцать один год. Провёл поправку о внешнем хранении протоколов. Добился, чтобы стипендиальный фонд не зависел от городского бюджета. Умер семь лет назад от воспаления лёгких. Похоронен на Верхнем склоне, участок двенадцать.

Он не запнулся ни разу.

— Какого цвета у него были глаза?

— Это проверка?

— Нет.

— Тогда не трать моё время.

Я подняла портрет и поставила его рядом с Северином. Сходство не требовало знания родства: одинаковая линия виска, привычка прижимать большой палец к согнутому указательному. Северин посмотрел сначала на изображение, потом на собственную руку и разжал пальцы.

— Этот человек похож на тебя, — сказала я.

— Многие родственники похожи.

— Это твой отец?

— Так указано в архиве.

Он знал каждое предложение о Матвее Красте и не узнавал его лица.

Вчера Жаса назвала цену только формально: утрачено узнавание человека, добровольно давшего свидетелю защиту. Я ожидала пробела — стёртого эпизода, забытого разговора. Механизм оказался точнее. Он оставил Северину институционального отца: должность, решения, дату смерти, номер могилы. И забрал человека, которого можно было узнать без таблички.

— Ты написал в заявлении про него? — спросила я.

— Я не писал заявления.

— Почему?

— Потому что ваши признания создадут для комиссии готовую схему. Шесть испуганных студентов, запрещённый опыт, пропавший руководитель. Неважно, насколько вы разойдётесь в деталях. Снаружи их сведут за вас.

— Поэтому ты решил ничего не предъявлять?

— Я решил не участвовать в упражнении, правила которого придумала ты.

Северин поднял раму. Я загородила стремянку.

— Твой тезис был о добровольном уходе.

— Мой тезис был о просьбе не искать до конца триместра.

— Голос без имени попросил не искать. Ты назначил просьбу Вельцу.

— Я сообщил комиссии ровно то, что слышал.

— Нет. Ты сообщил, кто это сказал.

Он переставил раму на другую руку. За стеклом Матвей Краст продолжал смотреть не на нас, а на закрытую книгу.

— Я слышал его голос.

— Тогда опиши голос.

Северин молчал.

— Высокий или низкий? Хриплый? Он говорил быстро? Назвал тебя по имени?

— Запись была повреждена.

— Ты узнал Вельца?

— Я знал, чья линия.

— Это не одно и то же.

— Для комиссии было достаточно.

Он повторил моё слово. Не зло и не насмешливо — как формулу, которую мы оба однажды признали рабочей.

Я отступила от стремянки.

— Повесь обратно.

— Я собирался.

— Не портрет. Отца.

Северин поднялся на первую ступеньку, но дальше не пошёл. Его пальцы нашли проволоку, крюк, нижний край рамы. Он знал порядок движений. Не знал, почему должен вернуть этого человека на стену.

— В галерее нарушена хронология, — сказал он наконец. — Краста следует перенести к попечителям второго состава.

— Табличка висит здесь двадцать лет.

— Значит, двадцать лет висит неправильно.

Он понёс портрет к служебной двери. Я взяла папку и пошла следом.

— Ты хочешь спрятать то, чего не узнаёшь?

— Хочу исправить экспозицию.

— Тогда вызови хранителя.

Северин остановился.

Вызов хранителя создал бы запись о перемещении. Там пришлось бы указать основание, а основание нельзя было вывести из хронологии: остальные портреты висели по срокам полномочий, и место Матвея Краста было верным. Северин мог снять отца руками, но не мог сделать ошибку галереи институциональным фактом без новой лжи.

— Оставь папку, — сказал он. — Заявления должен видеть председатель Общества.

— Они не принадлежат Обществу.

— Вы составили их после общего решения.

— Общего решения не было. Каждый написал своё.

— По твоей инструкции.

— Инструкция касалась только формы: не читать чужое и не называть утраченное вслух.

— Этого достаточно, чтобы вопросы считались согласованными.

— Ты не знаешь вопросов.

— Зато знаю редактора.

Раньше такая фраза заставила бы меня защищаться. Я перечислила бы различия, доказала бы, что никого не направляла, и незаметно выстроила бы наши заявления в самый убедительный порядок. Теперь я лишь крепче прижала папку к боку.

— Поэтому их повезёт Кир, — сказала я. — Он не читал даже своего после того, как запечатал.

— А ты куда идёшь?

— В городскую палату, отдельно от него.

— С какой целью?

— Не скажу.

Он улыбнулся впервые за утро.

— Вы уже называете незнание методом.

— Пока знание служило тебе, ты называл его порядком.

Служебная дверь открылась. Из неё вышла пожилая смотрительница с тележкой для рам. Увидев портрет в руках Северина, она сразу взялась за нижний край.

— Наконец-то, — сказала она. — Я просила убрать постороннего ещё на прошлой неделе.

— Почему постороннего? — спросил Северин.

Смотрительница посмотрела на табличку, затем на лицо под стеклом.

— Здесь семейная галерея попечителей.

— Он попечитель.

— Тогда почему я его не знаю?

Северин выпустил раму. Я успела подхватить угол, но стекло ударилось о тележку и треснуло поперёк закрытой книги.

Смотрительница охнула и стала собирать осколки. Северин не наклонился. Он смотрел на трещину, которая отделила лицо Матвея от руки, и, кажется, впервые понял, что утрата распространяется не только на него. Сводная версия уже предлагала Институту удобное объяснение: неизвестный портрет оказался не на своём месте. Ещё немного — и фамилия на табличке перестала бы значить родство, а затем и должность.

— Оставьте, — сказал Северин. — Я сам отнесу в мастерскую.

— Нужен акт повреждения.

— Составьте.

— На чьё имя?

Он ответил не сразу:

— На моё.

Это было первое личное местоимение, которое он позволил рядом с портретом.

Мы вышли через северный вестибюль. Северин нёс раму, завёрнутую в серое сукно; я — пустую папку. Конверты уже забрал Кир через лестницу восточного корпуса. Мы не должны были видеть друг друга до передачи Ренате.

У ворот Северин спросил:

— Где предмет?

— Какой?

— Вчера ты вынесла что-то из кабинета.

Я остановилась под аркой. Здесь заканчивалась институтская ограда, но не его власть: пропуска, общежития и стипендии оставались за спиной, связанные с ним десятками подписей.

— Откуда ты знаешь?

— Смотритель обнаружил след в пыли. Камеры показали пакет в твоей руке.

— На камерах есть кабинет?

— Есть коридор.

— Есть момент, когда я беру предмет?

— Есть момент, когда ты выходишь с ним.

— Тогда ты не знаешь, что внутри.

— Знаю, куда ты его отнесла.

Мне не следовало удивляться. Северин мог забыть лицо отца и помнить расписание городского регистратора, номера её окон и часы приёма. Механизм не делал человека беспомощным. Он только вырезал из него ту правду, которая стояла ближе всего к защищаемой лжи.

— Ячейка оформлена на спорное имущество, — сказала я. — Без владельца и назначения.

— Тем хуже. Рената может связать её с любым заявлением.

— Только если узнает, что искать.

— Она уже знает от тебя.

— Она знает меньше, чем ты сейчас.

Северин поставил портрет в будку привратника. Под сукном проступал острый угол разбитого стекла.

— Вельц не ушёл добровольно, — сказала я.

— Не начинай.

— Я не прошу тебя согласиться. Я хочу узнать, способен ли ты это произнести.

Он взглянул на ворота, будто слова могли остаться внутри или снаружи в зависимости от того, где стоять.

— У нас нет доказательств принуждения.

— Я сказала не это.

— Отсутствие доказанного согласия не доказывает принуждение.

— И этого я не говорила.

Он умел уходить от ложного тезиса по ступеням безупречной логики. Каждое предложение было истинным. Вместе они охраняли вывод, который никто не мог подтвердить.

— Произнеси: «Я не знаю, ушёл ли Вельц добровольно».

Северин открыл рот.

За нашими спинами привратник поднял сукно и посмотрел на портрет.

— Ваш родственник? — спросил он.

— Институтский попечитель, — ответил Северин.

— Я вижу. А вам кто?

Северин повернулся к изображению. У него было всё: фамилия, отчество, годы полномочий, семейное место, могила на Верхнем склоне. Не было единственного короткого пути от лица к слову.

— Мой отец, — сказал он.

Привратник опустил сукно.

Северин зажмурился, словно слово ударило его изнутри. Когда он снова посмотрел на меня, прежней ровности в лице не осталось.

— Я не знаю, ушёл ли Вельц добровольно, — произнёс он.

Ничего не вернулось. Портрет не стал узнаваемым, снег не изменил направления, институтские стены не дрогнули. Правда не была заклинанием, отменяющим цену.

— Что ты помнишь об отце без документов? — спросила я.

— Не твоё дело.

— Верно.

Это признание остановило его сильнее вопроса. Я не стала просить доказательств, не предложила помочь восстановить лицо и не превратила его утрату в общий ключ. Она принадлежала Северину, даже если механизм выбрал её за него.

Он забрал портрет из будки.

— Я отвезу его за ограду, — сказал он. — В городскую мастерскую.

— Хорошо.

— И заберу предмет у Ренаты.

— Нет.

— Если он связан с опытом, хранить его вне Института опасно.

— Ты не знаешь, связан ли.

— Именно поэтому обязан изъять.

Он сделал шаг за ворота. Свободной рукой достал из кармана сложенный лист. Печать попечительского совета была видна даже сквозь сгиб.

— Что это?

— Требование о передаче имущества, незаконно вынесенного с территории Института.

— На каком основании ты указал имущество, если не знаешь, что вынесено?

— По факту нарушения режима хранения.

— Кто владелец?

— Институт.

— Вчера Институт назначил владельцем мертвеца.

— Значит, вещь входит в наследственный фонд.

— Ты только что назвал её связанной с опытом.

— Я назвал такую возможность.

Северин протянул лист. В строке «описание предмета» стояло: «Неустановленная металлическая деталь из мемориального кабинета Аркадия Ведена». Ни слова о семи отверстиях, Вельце или журнале. Требование было составлено так, чтобы присвоить предмет, не определяя его значения.

— Ты приготовил это до разговора, — сказала я.

— Да.

— И до признания, что не знаешь, ушёл ли Вельц добровольно.

— Оно ничего не меняет в режиме имущества.

— Меняет в тебе?

Он сложил требование по прежним линиям.

— Я потерял возможность узнать лицо человека, который умер семь лет назад. Вельц, возможно, жив. Остальные тоже что-то теряют. Комиссия вернётся через три дня. Если мы предъявим ей ваши конверты и неизвестный прибор, она закроет Институт раньше, чем мы поймём механизм.

— Наконец-то цена.

— Что?

— Ты всё время говорил о цене для остальных: стипендиях, общежитии, лаборатории, сестре Мары. Сейчас впервые назвал свою.

— Моё место в совете не имеет значения.

— Тогда откажись от него.

Северин посмотрел на меня так, будто я предложила сжечь архив.

— Место даёт доступ к протоколам, — сказал он. — Без него мы не найдём способ вернуть Вельца.

— И даёт право изъять то, что может ему помочь.

— Пока мы не знаем — чему оно поможет.

Он был искренен. В этом и заключалась сила сводной версии: для неё не требовались злодеи, знающие истину и выбирающие зло. Достаточно было людей, которые защищали свою часть порядка и соглашались отложить чужое исчезновение до более безопасного часа.

Со стороны города приближался Кир. Он нёс почтовую сумку, слишком большую для шести конвертов, и не смотрел в нашу сторону. Увидев Северина, он перешёл дорогу. Так мы и договаривались: если кто-то из Общества окажется у палаты, курьер меняет маршрут.

Северин заметил его движение.

— Заявления уже у него?

— Не знаю.

— Ты лжёшь.

— Нет. Я видела, как он забрал папку. Не знаю, положил ли туда заявления и несёт ли сейчас.

— Удобно.

— Несогласованно.

Кир свернул к рынку и исчез за трамваем. Северин убрал требование во внутренний карман.

— Ты идёшь к Ренате? — спросила я.

— Да.

— Тогда я пойду в другую сторону.

— Чтобы предупредить её?

— Чтобы не знать, что она решит.

Он взял портрет под мышку и направился к городской палате. На сером сукне таял снег, оставляя тёмные пятна. Я стояла у ворот, пока он не дошёл до перекрёстка.

Потом Северин сделал то, чего я не ожидала: остановился перед витриной закрытого фотографа, снял сукно и поставил портрет лицом к стеклу. В отражении рядом оказались два Краста — живой и написанный. Северин долго смотрел на них, не сверяясь с табличкой.

Он всё равно не узнал отца.

Но, уходя, повернул портрет лицом к себе.

В тот день я считала это началом признания. Позднее поняла: Северин просто проверял, можно ли вернуть личного человека тем же способом, каким Институт возвращал факты, — повторением правильного положения вещей.

К полудню Рената сообщила через городского посыльного, что требование принято, но ячейка не выдана. Для передачи Институт должен был подтвердить одновременно происхождение предмета, право владения и отсутствие спора. Подтвердить первое означало назвать комнату. Второе — выбрать между Веденом и Институтотом. Третье стало невозможным после наших отдельных заявлений.

Северин не получил пластину.

Зато он узнал номер ячейки.

Глава 6. Внешний свидетель

Ная принесла письмо человеку, которого не существовало, в четырнадцать двадцать три.

Это время сохранилось на городской квитанции. Адрес тоже: Институт сравнительной памяти, нижний архив, Аркадию Львовичу Вельцу лично. Почерк был чёткий, чернила водостойкие, конверт запечатан сургучом городской палаты. За воротами Ная без запинки прочла каждую строку.

— Я доставляла ему бумаги восемь раз, — сказала она. — Высокий, седой справа сильнее, чем слева. Когда думает, постукивает ногтем по зубу. Чай не пьёт, хотя всегда ставит чашку на стол для посетителя.

Мы стояли у будки привратника: я снаружи, Ная перед самой аркой. После вчерашнего Рената запретила мне сопровождать свидетелей. Моё присутствие превращало любую проверку в подготовленный рассказ. Поэтому я записывала только ответы, не подсказывая маршрут.

— Куда вы несёте письмо? — спросила я.

— Аркадию Вельцу, в нижний архив.

— Войдите.

Ная шагнула под арку, показала пропуск и повторила:

— Аркадию Вельцу, в нижний...

Она повернула квитанцию к свету.

— Тут ошибка. Нижнего архива в Институте нет.

— Кому письмо?

— Адресату.

— Назовите его.

Ная прочла имя на конверте, но произнесла другое:

— Аркадию Ведену.

Буквы не изменились. Её глаза прошли по фамилии Вельца и выбрали ближайшего Аркадия, которому Институт уже назначил комнату.

— Вы знаете Ведена? — спросила я.

— Первый хранитель свидетельств. Умер давно. Значит, письмо архивное.

— А человека, которому вы доставляли бумаги восемь раз?

Ная нахмурилась.

— Я доставляю сотни писем.

Она всё ещё помнила седину, ноготь у зуба и нетронутый чай. Исчезла связь между приемами и адресатом.

— Выйдите за ворота, — сказала я.

— Почему?

— Доставка отменена.

Это была ложь, и я почувствовала её не как вину, а как готовую дорожку. Если Ная поверит, письмо вернётся в палату, проверка закончится, а я сохраню чистый результат. Раньше я бы выбрала именно такую удобную последовательность.

— Нет, — поправила я. — Я не имею права отменять доставку. Выйдите, только если сами решите проверить адрес.

Ная посмотрела на конверт, на главное здание и отступила наружу.

— Аркадий Львович Вельц, — сказала она сразу. — Нижний архив. Что вы со мной сделали?

— Ничего. Граница делает это со всеми, кто пытается связать его имя с маршрутом.

— Тогда письмо останется здесь.

Она положила конверт на каменный парапет за воротами.

— Это считается доставкой? — спросила я.

— Нет. Считается отказом учреждения принять отправление.

Ная достала карандаш и отметила причину в квитанции. Затем перечеркнула готовую формулировку «адресат выбыл».

— Почему?

— Потому что не знаю, выбыл ли он. Знаю только, что внутри не могу удержать адрес.

Так появилось первое внешнее свидетельство, которое описывало действие механизма, не объясняя его.

Привратник наблюдал за нами через стекло. Потом вышел и взял письмо с парапета.

— Для мемориального фонда, — сказал он.

— Не принимайте, — сказала Ная.

— Оно лежит у ворот Института.

— Это не делает вас адресатом.

Он перевернул конверт, увидел печать палаты и внёс номер в журнал. В графе получателя написал «архивное наследие А. Ведена».

Ная шагнула к нему, но под аркой замедлилась. Её рука, протянутая к письму, опустилась.

— Что вы хотели? — спросил привратник.

— Проверить регистрацию.

— Зарегистрировано верно.

Она кивнула.

— Ная, выйдите, — сказала я.

Она не посмотрела на меня. Внутри ограды моё обращение уже стало советом посторонней женщины, мешающей работе.

Я не могла войти и вывести её: тогда мы обе приняли бы назначение письма архивному фонду. Я достала городской жетон, который Рената дала для обратного вызова курьера, и бросила на снег за воротами.

Металл звякнул.

Ная узнала звук раньше, чем вспомнила меня. Обернулась, увидела жетон и вышла поднимать его.

— Вельц, — выдохнула она. — Письмо Вельцу.

Привратник уже унёс конверт.

— Я верну, — сказала Ная.

— Если войдёте с этой целью, потеряете её.

— Тогда войду за квитанцией.

— Это тоже цель.

Она рассмеялась коротко и зло.

— У вас здесь любое намерение объявляют уликой против намерения?

— Только то, которое противоречит принятой версии.

Ная сняла сумку и вытряхнула на парапет содержимое: бланки, шпагат, запасной сургуч, три чужих письма, перчатки. Потом сунула пустую сумку мне.

— Не говорите, зачем она вам.

Сама вошла в будку и попросила привратника расписаться за приём всех отправлений из сегодняшнего списка. Пока он сверял номера, Ная двигала письма, не выбирая нужного. Конверт Вельца оказался между уведомлением о налоге и счётом стекольщика. Она сгребла три бумаги вместе, вернулась за ворота и только там прочла адреса.

— Получилось, — сказала я.

— Нет. Я украла два чужих письма.

Она немедленно вернула их, оставив конверт Вельца снаружи. Привратник пересчитал отправления и обнаружил расхождение.

— Один номер уже принят, — сказал он.

— Кем?

Он открыл журнал. В строке получателя чернила расплылись, хотя страница была сухой.

— Мемориальным фондом.

— Покажите подпись фонда.

Подписи не было.

Привратник зачеркнул строку и захлопнул журнал. Институт не мог удержать получение без получателя, если внешний свидетель требовал не объяснение, а обычную процедуру.

Ная передала конверт мне.

— Не вскрывать, — сказала она. — Не читать адрес внутри ограды. Не называть содержимое письмом Вельцу, пока не найдёте человека.

— Откуда вы знаете, что он человек, а не архивная запись?

— За воротами я помню, как он расписывался. У него дрожала левая рука, и он придерживал её правой. Мёртвые так не делают.

Это было сильнее портрета, пальто и наших шести подписей — не потому, что Ная знала больше, а потому, что её память не участвовала в исходной лжи.

По переходу к воротам шёл Северин. Он увидел конверт и ускорил шаг.

— Городская корреспонденция подлежит регистрации, — сказал он, ещё не выйдя наружу.

— Регистрация провалилась, — ответила Ная. — Ваш сотрудник не смог назвать получателя.

— Получатель указан.

— Тогда прочтите.

Северин остановился под аркой. Его взгляд скользнул по адресу.

— Аркадий Львович... — Он поднял глаза на меня. — Отдайте конверт.

— Кому? — спросила Ная.

— Институту.

— Институт не лицо.

— Я уполномочен принять.

— За кого?

Северин не ответил. Чтобы получить письмо, ему нужно было признать Вельца адресатом внутри границы. Чтобы отвергнуть адрес, пришлось бы объяснить, почему живому человеку пишут в несуществующий архив. Он выбрал третье:

— Отправление содержит ошибочный адрес и возвращается отправителю.

— Я и есть представитель отправителя, — сказала Ная. — И я не возвращаю.

Она поставила на квитанции время, место отказа и свою подпись. Затем попросила меня расписаться только как свидетеля нахождения конверта за оградой. Я подписала, не читая адрес повторно.

Северин вышел к нам. За границей его лицо изменилось едва заметно: взгляд снова зацепился за фамилию.

— Вельц, — сказал он.

— Да, — ответила Ная. — Теперь войдите и повторите.

Он не стал.

— Что в письме? — спросил меня.

— Не знаю.

— Рената знает?

— Возможно.

— Значит, это подготовленный внешний якорь.

— Или обычное письмо, которое вы не способны доставить.

Ная спрятала конверт в пустую сумку, надела ремень через плечо и отошла от ворот.

— Доставку завершу, когда адресат сможет расписаться лично, — сказала она. — До тех пор отправление останется в городской палате.

— Комиссия потребует его, — сказал Северин.

— Пусть предъявит полномочия адресата.

Она ушла, не оглядываясь. Мы с Северином остались по разные стороны арки: он внутри, я снаружи.

— Ты привела её намеренно, — сказал он.

— Я не знала, что она помнит.

— Но выбрала свидетеля.

— Рената выбрала. Я узнала имя сегодня.

Это было правдой. Северин искал в ней порядок, который можно приписать мне, но не находил.

— В следующий раз городских не пропустят без сопровождающего, — сказал он.

— Тогда у нас будет запись, что Институт мешает доставке человеку, которого якобы никогда не было.

— Запись не вернёт Вельца.

— Зато не даст вам спокойно назначить его письмо мертвецу.

Он посмотрел на журнал привратника. Зачёркнутая строка была маленьким поражением, слишком процедурным для легенды и слишком точным, чтобы исчезнуть без нового исправления.

— Комиссия через два дня, — сказал Северин. — Если к её приезду мы не поймём, как остановить распад, я потребую повторить показания.

— Все шестеро отдельно?

— Вместе.

— Чтобы закрепить версию.

— Чтобы удержать Институт от сотни несовместимых последствий.

Он говорил уже не как студент, испугавшийся цены, а как будущий попечитель. Потерянное лицо отца не отвернуло его от системы. Оно показало, что система может забрать, — и потому он решил получить над ней полный контроль раньше, чем она возьмёт больше.

Я вошла под арку. На этот раз удерживала только одно намерение: добраться до аудитории 207. Оно не противоречило сводной версии, и коридоры пропустили меня без сопротивления.

На доске уже было написано рукой Северина:

«Заседание Общества. Сегодня, 19:00. Присутствие всех обязательно».

Под строкой стояли шесть пустых мест для подписей.

Седьмого места не было.

Глава 7. Общество общей лжи

К семи часам в аудитории 207 стояли семь стульев.

Шесть Северин расставил полукругом перед кафедрой. Седьмой оставался у дальней стены, под доской, и на его сиденье лежал свёрнутый попечительский портрет. Серое сукно скрывало лицо Матвея Краста, но рама выдавала размеры. Северин принёс отца на заседание как вещь, которую ещё не решил признать своей.

Я пришла последней. Мара сидела у окна, прижимая к груди папку с письмами сестры. Кир занял место ближе к двери. Жаса положила на колени коробку с нашими закрытыми конвертами и держала обеими руками, словно та могла раскрыться от одного неверного слова. Олег Сверт и Ина Корен сидели порознь. До этой недели мы встречались здесь, чтобы учиться отличать свидетельство от рассказа. Теперь Северин запер дверь и положил ключ рядом с часами.

— Это не удержание, — сказал он. — Ключ виден всем.

— А выйти можно? — спросил Кир.

— После решения.

— Тогда это удержание с хорошим оформлением.

Северин не ответил. На доске уже были выписаны шесть тезисов — без имён и подробностей. Между ними он провёл стрелки, превратив наши отдельные фразы в цепь: отмена опыта, сбор вещей, запрос в город, северный выход, опечатывание, просьба не искать. Внизу стоял вывод, который когда-то написала я: «Отъезд добровольный. Розыск до конца триместра не требуется».

Увидеть свою работу чужим мелом оказалось хуже, чем узнать почерк.

— Комиссия прибудет послезавтра в девять, — сказал Северин. — Не для поиска Вельца. Для проверки устойчивости режима хранения. Если шесть допущенных сотрудников дадут противоречивые показания, Хранилище опечатают, архив передадут попечителям, учащихся из северного корпуса выселят до конца недели. Все действующие допуски приостановят.

— Ты уже говорил, что нас закроют, — сказала Мара.

— Теперь есть распоряжение.

Он раздал копии. Печать выглядела настоящей. В тексте не было Вельца, зато были «утрата непрерывности учёта» и «риск несанкционированного воздействия на свидетельскую память».

— Это про нас, — тихо сказала Ина.

— Это про последствия, — ответил Северин. — Мать Ины лишится ведомственной комнаты вместе с ней. Олег не получит выпускного допуска. Лабораторию Жасы передадут городской лечебнице без её методики, и половину образцов уничтожат как неописанные. Кир вернётся в посёлок до весеннего набора. Мара потеряет место, которое позволяет оплачивать лечение сестры. Лада — стипендию и право на пересдачу.

Он называл наши жизни без угрозы в голосе. Угроза уже была отпечатана и заверена; ему оставалось читать.

— А ты? — спросила я.

Северин посмотрел на закрытый портрет.

— Я лишусь места в попечительском совете и доступа к протоколам Хранилища.

— Наконец в одном списке.

— Я никогда себя из него не исключал.

— Исключал. Просто называл свою потерю спасением Института.

Мара ударила папкой по колену.

— Хватит. Что он предлагает?

Северин повернулся к доске.

— Мы не создаём новую версию. Мы устраняем расхождения в формулировках до комиссии. Каждый повторяет только собственное показание. Лада проверяет, чтобы вместе они не противоречили друг другу.

— То есть делает то же, с чего всё началось, — сказала Жаса.

— С известной нам ценой. Поэтому осторожно.

— Цена известна не нам, — возразила она и крепче сжала коробку. — Мы знаем направление утрат. Не размер и не предел.

— Один повтор не равен новой лжи.

— Откуда это известно?

Северин помолчал.

— Неизвестно.

В комнате стало слышно, как часы на кафедре отмеряют секунды. Раньше он заполнял такие паузы уверенностью. Теперь оставлял пустыми, но всё равно вёл нас туда, куда решил.

Кир поднялся и подошёл к двери.

— Я своё показание повторять не буду.

— Тогда комиссия спросит, почему твоя подпись стоит под журналом отмены.

— Скажу: испугался.

— И потеряешь общежитие до разбирательства.

— Потеряю.

— А когда тебя отправят домой, кто будет выносить наши заявления через служебный ход?

Кир остановился. Северин не просил его беречь себя. Он сделал полезность Кира доводом против отказа.

— Другой курьер, — сказал Кир.

— После сегодняшней доставки пропускной режим меняют. Городских будут сопровождать. Из наших только у тебя есть право пересекать северный двор без записи цели.

Кир медленно вернулся к стулу, но не сел.

— Значит, ты закрыл выход и называешь это причиной остаться.

— Я не менял режим.

— Но уже умеешь им пользоваться.

Мара раскрыла папку. В верхнем письме сестра просила прислать деньги до пятницы. Я не читала строк, но узнала цифры внизу: стоимость следующей недели лечения.

— Если мы повторим, она опять исчезнет? — спросила Мара.

Никто не уточнил, о ком она говорит.

— Не обязательно, — сказал Северин.

— Это не ответ.

— Ответа нет.

— Тогда скажи честно, что предлагаешь мне поставить сестру ещё раз против неизвестного человека в подвале.

— Я предлагаю сохранить тебе возможность помогать ей завтра.

Мара отвернулась к окну. За стеклом двор был синим от раннего зимнего вечера. В окне отражались доска, шесть тезисов и мы сами — достаточно близко, чтобы казаться одной группой, хотя никто не смотрел на другого.

Олег первым взял лист.

— Я повторю только факт пломбирования, — сказал он. — Без «после добровольной отмены».

Северин покачал головой.

— Тогда исчезает причинная связь.

— Потому что я её не видел.

— Комиссия спросит, почему ты подписал прежнюю формулировку.

— Потому что Лада сказала, что так точнее.

Все посмотрели на меня.

Это было правдой, ближайшей к сердцу нашей лжи. Я не придумала ни одного из шести наблюдаемых фактов. Я только убрала промежутки между ними и назвала получившуюся линию достаточной.

— Скажи им, — попросил Олег. — Скажи, что мы можем оставить пробелы.

Я могла. Отдельные заявления уже лежали у Ренаты, письмо — в городской палате, медная пластина — во внешней ячейке. Несогласованность начала работать. Но до комиссии оставалось меньше двух суток, а передо мной сидели не шесть образцов для опыта. Мара считала стоимость лечения, Кир — ночи без койки, Ина — расстояние до матери, Олег — годы до нового допуска. Даже Жаса смотрела не на коробку, а на ключ.

— Можем, — сказала я. — И комиссия сочтёт их признаком распада учёта.

— То есть Северин прав? — спросила Ина.

— В последствиях — возможно.

— А в решении?

Я не ответила.

Северин взял мел.

— Нам не нужно утверждать, что Вельц ушёл. Достаточно подтвердить, что на момент проверки у нас были основания не начинать розыск.

Он стёр нижнюю строку и написал: «Совокупность сведений не требовала немедленного розыска».

Механизм отозвался прежде, чем кто-то прочёл фразу вслух. Седьмой стул у стены перестал выглядеть лишним. Я знала, что на нём лежит портрет, но уже не могла вспомнить, зачем Северин принёс его сюда.

— Не произносите, — сказала Жаса.

Северин положил мел.

— Никто не произносил.

— Лада уже связала смысл.

Жаса смотрела на меня. В её взгляде не было обвинения — только профессиональный ужас человека, увидевшего реакцию до того, как смешали вещества.

— Я ещё ничего не редактировала, — сказала я.

— Ты прочла как редактор.

Я подошла к доске. В новой фразе Северин спрятал тот же вывод, заменив событие процедурой. Не Вельц ушёл добровольно; мы имели основания его не искать. Для комиссии это было осторожнее. Для Хранилища — почти то же самое: шесть человек защищали отсутствие розыска, и носитель противоречия оставался недоступен.

Я стёрла «совокупность».

— Нельзя собирать сведения в общий субъект, — сказала я. — Каждый должен оставить предел собственного знания.

— Тогда документ развалится, — ответил Северин.

— Да.

— Нам нужен документ.

— Вам нужен щит.

— Всем нам.

Он сказал это спокойно. Не «Институту», не «архиву», не «памяти». Всем нам. Самая опасная ложь в комнате состояла не в том, что он был неправ, а в том, что щит действительно закрывал каждого — и Вельц оказывался единственным снаружи.

Ина взяла копию распоряжения и сложила её вчетверо.

— Мать не переживёт переселение зимой, — сказала она. — Я повторю свой запрос в город. Без имени, которого не видела.

— Я подтверждаю пломбы, — сказал Олег. — Без причины.

— Я подтверждаю футляр и коридор, — сказал Кир. — Не выход за ворота.

Северин записал уступки в три столбца. Каждая делала отдельную фразу правдивее и общий рассказ слабее.

— Так комиссия увидит, что вывод не подтверждён, — сказал он.

— Пусть увидит, — ответила Жаса.

Мара закрыла папку.

— А если она закроет Институт?

Жаса не нашла ответа.

Тогда Мара повернулась ко мне.

— Ты можешь написать так, чтобы мы не сказали лишнего и нас не выгнали?

Вопрос был поставлен точно. Не «можешь ли установить правду» и не «можешь ли спасти Вельца». Могу ли я уменьшить ущерб для присутствующих, превратив шесть неполных фактов в документ, который выдержит чужое чтение.

И это я умела лучше всего.

— Могу попробовать, — сказала я.

Жаса встала.

— Если ты начнёшь, мы снова не заметим перехода.

— Я отмечу каждый.

— В прошлый раз ты тоже отмечала.

— В прошлый раз я считала переходы допустимыми.

— А сейчас?

Я посмотрела на дверь. Кир всё ещё стоял рядом с ней. Ключ лежал у Северина. Я могла потребовать открыть, вынести лист за ворота, отдать Нае или Ренате. Но комиссия пришла бы раньше, чем внешний спор защитил бы общежитие, комнату, лабораторию и стипендии.

— Сейчас я знаю, что они делают, — сказала я.

Это прозвучало как отличие. На деле было разрешением.

Северин подвинул ко мне чистый лист.

Я начала с шести отдельных абзацев. Оставила в каждом наблюдение и убрала то, чего свидетель не мог знать. Потом добавила вводную: «Нижеследующие показания отражают состояние сведений на вечер проверки и не удостоверяют дальнейший маршрут ответственного сотрудника». Это было честно.

Под абзацами требовался вывод. Без него документ не отвечал на вопрос комиссии. С ним наши отдельные факты снова становились одной причиной.

— Никакого добровольного отъезда, — сказал Кир.

— Никакой просьбы Вельца, — добавила Мара.

— Никакого имени в запросе, — сказала Ина.

— И не писать, что отменил руководитель, — потребовала Жаса.

Северин выслушал всех.

— Тогда остаётся только наше решение не искать.

— Оно и было общим, — сказала я.

Я написала: «На основании перечисленного присутствующие не сочли немедленный внутренний розыск необходимым».

Жаса закрыла глаза.

— Это правда? — спросил Олег.

— Мы действительно не начали розыск, — ответил Северин.

— Он спрашивает не это, — сказала Жаса.

Я перечитала строку. Она не утверждала, что Вельц ушёл. Не называла его просьбу подлинной. Не превращала футляр в человека за воротами. Она всего лишь приписывала шестерым одно решение — то самое решение, которое возникло из моих прежних связей и теперь оправдывало себя собственным существованием.

— Это управляемая версия, — сказала я.

— Я спросил, правда ли, — повторил Олег.

— Не полностью.

Северин положил ладонь на край листа.

— Полная правда сейчас уничтожит возможность добраться до полной правды потом.

— Ты не знаешь этого, — сказала Жаса.

— Нет. Но знаю, что закрытый архив мы не откроем.

Мара придвинула чернильницу.

— Я подпишу, если в тексте будет срок. Только до комиссии. После неё мы продолжаем искать.

— Версия не понимает сроков, — сказала Жаса.

— Документ понимает.

Я добавила: «Оценка подлежит пересмотру при получении внешних сведений и не позднее окончания комиссионной проверки».

Северин хотел возразить, но промолчал. Это была его уступка. Ина потребовала копию для матери. Кир — чтобы дверь открыли до подписания. Олег — чтобы каждый зачеркнул прежнюю формулировку собственноручно. Жаса отказалась повторять тезис вслух и настояла, чтобы конверты с утратами остались у неё.

Северин принял всё.

Потом повернул ключ.

Дверь открылась, но никто не вышел.

В этом и состояло настоящее решение вечера. Нас больше не удерживали стены. Мы остались из-за того, что лежало по другую сторону каждой стены.

Подписывали по одному. После каждой подписи Жаса задавала человеку несогласованный вопрос, выбранный из своей тетради. Ина должна была назвать последнюю вещь, которую мать добровольно отдала ей. Олег — вспомнить, кто впервые допустил его к самостоятельной описи. Кир — описать человека, предоставившего ему место в общежитии. Мара отказалась отвечать вслух и записала что-то на отдельном клочке.

Ответы не проверяли друг об друга. Жаса запечатывала их сразу.

Когда очередь дошла до Северина, она спросила:

— Какого цвета были глаза у человека на портрете?

Он посмотрел на свёрток у стены.

— Это не имеет отношения к показанию.

— Именно поэтому имеет.

Северин снял сукно. Матвей Краст смотрел поверх наших голов светлыми глазами. Я видела сходство в линии носа и левом уголке рта. Северин видел описание, которое должен был знать.

— Серые, — сказал он после паузы.

Жаса записала ответ, но не отметила, верен ли он.

Мне она задала последний вопрос:

— Кто впервые сказал тебе, что хороший редактор отвечает не за гладкость, а за сохранённые разрывы?

Я открыла рот.

Фраза была знакомой. Я помнила аудиторию, белый свет на столе, чашку нетронутого чая. Помнила, как записала слова на полях. Но лицо говорившего не собиралось, а имя, которое следовало произнести, казалось ответом, подготовленным кем-то другим.

— Не знаю, — сказала я.

Жаса побледнела.

— До заседания знала?

— Не проверяла.

Это была удобная правда. Она не позволяла установить момент утраты.

Я поставила подпись последней.

Северин прочёл документ вслух. Каждый абзац сохранял предел знания. Каждый запрет, которого потребовали остальные, остался на месте. Когда он дошёл до общего вывода, никто не остановил его.

— «На основании перечисленного присутствующие не сочли немедленный внутренний розыск необходимым», — произнёс он.

Шесть голосов по очереди подтвердили формулировку.

Я слышала, где она лжёт. Слышала даже точный шов: «на основании». Наш отказ искать был не следствием сведений, а следствием страха. Но именно это слово я оставила, потому что без него документ не защищал никого в комнате.

Когда лист вернулся ко мне, чернила шести подписей уже высохли. Седьмой стул снова казался пустым, хотя на нём стоял открытый портрет.

Я сложила документ и передала Северину.

Так Общество общей лжи получило не только название.

Оно получило устав.

Глава 8. Архив ближайшего смысла

Утром Жаса разложила наши утраты не по именам, а по глаголам.

На шести карточках стояло: «узнать», «доверить», «предоставить», «отдать», «допустить», «сохранить». Карточки лежали в лаборатории под стеклянными колпаками, хотя заражаться там было нечему. Жаса просто не хотела, чтобы мы случайно переставили их и приняли новый порядок за открытие.

— Конверты я не вскрывала, — сказала она. — Глаголы взяты из вопросов после заседания. Ответы каждый проверит сам.

Северина она не позвала. Это было первое решение Общества, принятое не всеми шестью, и потому самое безопасное за последние сутки.

Кир стоял у двери. Олег переписывал номер каждой карточки в отдельный журнал. Ина ждала в коридоре: Жаса запускала нас по одному, чтобы чужая утрата не подсказывала собственную. Мара не пришла. Ночью она получила ещё одно письмо из лечебницы и утром попросила не задавать вопросов о сестре.

— Что проверять мне? — спросила я.

Жаса подвинула карточку «сохранить».

— Твой ответ вчера: ты не помнишь, кто научил тебя сохранять разрывы. Найди три других урока, которые считаешь важными. Не называй учителя. Запиши только содержание и место.

Я села за дальний стол. Лаборатория пахла спиртом, холодным металлом и яблочной кожурой: Жаса запрещала есть у образцов, но сама прятала завтрак в верхнем ящике.

Первый урок пришёл легко: свидетель описывает предел виденного, а не предполагаемое продолжение. Кабинет Вельца, третья неделя триместра.

Второй: повторяемость ошибки доказывает действие условия, а не истинность результата. Нижняя аудитория, вечерний разбор.

Третий я начала словами «хороший редактор», остановилась и зачеркнула. Формулировка существовала, место существовало, даже пятно чая на полях тетради существовало. Не было человека, который произнёс её. Память отрезала не весь урок, а передачу урока от одного человека другому.

Я записала: «Разрыв нельзя закрывать ради гладкости». В графе места поставила прочерк.

Жаса не стала читать лист. Спросила:

— Остальные знания о редакции при тебе?

— Да.

— Уверена?

— Нет.

— Хороший ответ.

Она отметила что-то в своём журнале.

— Северин потерял узнавание отца после того, как назвал голос Вельца узнаваемым. Он не забыл отца целиком. Потерял связь признаков с человеком. Ная внутри ограды тоже сохраняла приметы, но не связывала их с адресатом.

— Один механизм?

— Похожая операция. Вчера ты связала разрозненные сведения причиной и потеряла память о том, кто научил тебя не связывать их без доказательства.

— Слишком красиво.

— Поэтому пока не правило.

Жаса пропустила Кира. Ему досталась карточка «предоставить». Он должен был вспомнить три случая, когда ему давали место без обязанности вернуть услугу. Два назвал сразу: сосед оставил койку на время болезни, библиотекарша разрешила ночевать в читальном зале во время морозов. На третьем остановился.

— Общежитие, — подсказал Олег из-за перегородки.

Жаса захлопнула журнал.

— Вон.

— Я только слово сказал.

— Этого достаточно, чтобы результат стал общим.

Олег вышел в коридор. Кир долго смотрел на пустую строку.

— Я знаю, что место мне кто-то выбил, — сказал он. — Помню комнату коменданта, мокрые варежки на батарее и подпись внизу списка. Но к кому я ходил просить — нет.

— После какой доли лжи?

— Я сказал, что человек с футляром прошёл северным коридором к выходу.

— Хотя видел только коридор.

— Да.

Жаса положила «предоставить» рядом с карточкой «узнать».

— Ты превратил предоставленный проход в завершённый выход и потерял человека, который предоставил тебе вход.

Кир усмехнулся без радости.

— Хранилище любит словесные игры.

— Нет. Словесные игры любим мы. Хранилище, возможно, выбирает ближайшую правдивую связь, на которой держится ложная.

Когда вошла Ина, Жаса дала ей «доверить». Ина помнила содержание городского запроса, номер формы, сургуч и время отправки. Не помнила, почему мать доверила именно ей документы на комнату, хотя могла передать их старшей дочери. В её ложной доле безымянный запрос стал подтверждением выбытия Вельца.

— Я сделала бумагу доверием, — сказала Ина. — И потеряла настоящее доверие, которое тоже было в бумаге.

Это была первая формулировка, которую Жаса записала дословно.

Олег вернулся после Ины. Он больше не подсказывал. Его карточка называлась «допустить». Он помнил экзамен, ключ от хранилища и подпись наставника, но не мог восстановить разговор, после которого ему впервые позволили опечатать помещение без надзора. Его ложь превратила пломбы в доказательство добровольной отмены: чужой допуск он выдал за чужое согласие.

Четыре утраты легли в ряд. Не предметы и не люди — отношения, превращённые в причинные переходы.

— А Мара? — спросила я.

Жаса посмотрела на закрытую дверь.

— Её доля: Вельц сам попросил не искать. Она приписала человеку добровольную просьбу. На первом испытании перестала узнавать один голос сестры среди записей. После вчерашнего отказалась от проверки.

— Карточка «отдать» её?

— Возможно. Сестра когда-то добровольно отдала ей место на лечении. Это записано в первом конверте. Но я не знаю, что исчезло теперь.

— Нужно узнать до следующего повторения.

— Следующего не должно быть.

Жаса сказала это резко, словно повторение уже обсуждалось.

В коридоре хлопнула наружная дверь. Через минуту вошёл Северин. Ключ аудитории 207 висел у него на пальце, а под мышкой лежала папка с нашей новой версией.

— Комиссия перенесла предварительный опрос на сегодня, — сказал он. — В шестнадцать часов.

Кир выругался одними губами.

— Откуда они знают о расхождениях? — спросила Ина.

— Из городской палаты поступило уведомление о шести заявлениях и недоставленном письме.

— Значит, внешнее хранение работает, — сказала я.

— Оно ускорило проверку.

Северин увидел карточки.

— Что это?

— Не общий результат, — ответила Жаса. — Поэтому тебе не нужно знать.

Он подошёл ближе, но не коснулся стекла.

— Если вы нашли способ предсказывать утраты, комиссия должна получить его вместе с нашей версией.

— Мы нашли предположение.

— Какое?

Жаса молчала.

Я смотрела на ряд глаголов. Правило уже складывалось у каждого из нас отдельно. Если мы не произнесём его, Северин всё равно прочтёт по карточкам. Если произнесём вместе, превратим ещё одно неполное наблюдение в инструмент.

— Ложь забирает не случайную память, — сказала я. — Она вытесняет правдивое воспоминание, которое держится на той же смысловой связи.

Жаса закрыла карточки тканью.

— Мы этого не доказали.

— Четыре случая совпали.

— Четыре случая отобраны после того, как мы знали, что ищем.

Северин открыл папку.

— Но для предосторожности достаточно. Перед опросом каждый определит ближайшую опасную область и исключит формулировки, которые могут её задеть.

— Нельзя исключить смысл из лжи, оставив ложь, — сказала Жаса.

— Можно выбрать менее ценную связь.

Никто не ответил сразу.

Вот чего я не увидела в нашем открытии. Правило цены не только предупреждало. Оно позволяло торговаться: заранее искать воспоминание, которое не жалко потерять, и строить ложь ближе к нему.

Северин понял это раньше остальных.

— Нет менее ценных связей, — сказала Ина.

— Есть менее необходимые сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.